

Исполненное желание

Больше он никогда не смотрел
на падающие звезды

Мария МИТЛИНА

Родилась в 1982 году
в Магнитогорске.
В 2004 году окончила МаГУ
по специальности
педагог-валеолог, родила
сына Егора. В 2006 году
окончила курсы
инструктора фитнеса.
В настоящее время
занимается воспитанием
сына. С детства увлекалась
литературой.
Писать начала в 2005 году.

ЛИВЕНЬ НАЧАЛСЯ, как всегда, внезапно. Вроде бы только что из-за туч, затянувших небо до самого горизонта, проглядывало солнце, обещая обычный пасмурный день, и вдруг... Где-то вдалеке прогремел раскат грома, молния стрелой сверкнула по небу, и вот уже тяжелые капли застучали-забарабанили по асфальту, разлетаясь на тысячи мелких осколков. Город превратился в потревоженный муравейник. Вода стремительными потоками хлынула вниз по улицам. Люди заметались по тротуарам, норы поскорее заскочить в какой-нибудь магазин. Завенели колокольчики распахиваемых дверей. Продавцы с благодарностью смотрели на небо, принесшее им неожиданно столько возможных покупателей.

Я успел забежать в небольшое кафе, когда первые капли дождя упали на землю. И все равно футболка моя была насквозь мокрой. Буквально через минуту оказалось, что кафе, скорее, на небольшое кафе, чем на закусочную. Возле деревянной стойки бара стояли высокие стулья, обитые красным дерматином. В глубине зала располагалось с десяток столиков, и огорченно вздыхала — от прически ничего не осталось, а на щеках виднелись черные следы от туши.

Я присел за стойку. Футболка неприятно липла к телу. От холода меня била дрожь. Бармен, невысокий парень лет тридцати в рубашке песочного цвета с короткими рукавами, расцвел в приветливой улыбке. Его слегка оттопыренная нижняя губа при этом смешно вытаращилась, курносый нос сморщился, а в уголках синих глаз спрятались морщинки. Он протянул мне и пододвинул пепельницу.

— Спасибо, — сказал я, — это лишнее, я не курю.

Парень пожал плечами и засунул пепельницу куда-то под стойку.

— Что будете пить, — спросил он, — пиво? Водку?

— Нет, нет. Только не алкоголь.

Парень снова пожал плечами, достал из-под стойки бутылку, в которой плескалось что-то темное, налил в маленькую стопочку и залпом выпил.

«Интересно, сколько таких он выпивает за вечер?», — пронеслось почему-то у меня в голове.

Парень тем временем с шумом выдохнул и снова обратился ко мне:

— Отменный коньяк, — он показал на бутылку, — Девяносто четвертого года, между прочим, — самое то, чтобы согреться.

— Нет, нет, — я мотнул головой.

Хотя согреться действительно не помешало бы. Я заказал себе большую кружку чая с лимоном и два горячих бутерброда.

Шум воды доносился с улицы приглушенно, как будто сквозь аквариумное стекло. Из колонок на стене лилась тихая музыка, кажется, какой-то старинный блюз. Через высокие окна можно было видеть, как пробегает по тротуарам люди, спасаясь от ливня, который почти отвесной стеной накрывал город.

Пока парень наливал чай и ставил бутерброды в микроволновку, я стал разглядывать посетителя. Прямо напротив меня расположилась парочка влюбленных. Он не сводил с нее взгляда, она стыдливо опускала глаза. Под столом они держали друг друга за руки. Дальше сидели мужчина и женщина, наверное, муж и жена. По крайней мере, мне так показалось. Они, видимо, о чем-то спорили, при этом оживленно жестикулируя и размахивая руками. Еще там сидела мамаша с сыном лет четырех. Сын обеими руками вцепился в жирный гамбургер, запивая его колот из стаканчика. Девушка, которая недавно разглядывала себя в зеркало, уже стерла с лица потеки туши, заколола волосы и теперь о чем-то оживленно беседовала с подружкой.

Неожиданно мое внимание привлек к себе мальчик, сидевший в дальнем углу возле окна. На вид ему было не больше двенадцати лет. Он был невысокий, худенький; волосы вились у висков, а на макушке торчали упрямым хохолком. Нос его был сплошь усыян веснушками, а в серых глазах застыли обида и какая-то непонятная тоска.

— Ваш заказ! — это бармен, наконец, разогрел мои бутерброды.

— Спасибо.

Он хотел еще что-то сказать, но я встал, взял кружку с чаем и тарелку и подошел к столику, за которым сидел мальчик.

— Привет, можно подсесть за твой столик? — спросил я.

— Сяди... тесь, если хотите, — ответил он, не поднимая головы.

Мальчик молчал. А мне почему-то очень хотелось начать разговор. Я выпил чай, съел бутерброд. За все это время он только раз посмотрел на меня, а потом опять уткнулся глазами в пустой стакан.

— Послушай, — сказал я, — хочешь мой бутерброд?

Мне показалось почему-то, что он очень одинок, что, может быть, у него даже нет родителей.

Мальчик усмехнулся:

— Послушай... те, если мне надо будет, я сам куплю себе бутерброд.

Он вынул из кармана и показал новую сто-рублевую купюру. Голос его показался мне странным. Как-то не похож он был на голос двенадцатилетнего мальчика, скорее — на разочаровавшегося в жизни старичка.

— А почему ты сидишь здесь один?

— Жду, когда кончится дождь.

Он замолчал и повернулся к окну, давая мне понять, что больше не хочет разговаривать.

Скоро небо за окном прояснилось, и улицы вновь заполнили прохожие. Я направился в сторону дома. Однако вдоль дорог все еще текли реки, и, чтобы не переходить вброд, я свернул в узенький переулок. И снова увидел мальчика. Он шел впереди меня буквально в нескольких шагах, пиная на ходу консервную банку.

— Эй, — я почему-то очень обрадовался, — стой, подожди!

Мальчик обернулся и замедлил шаг.

Я догнал его:

— Куда ты идешь?

Он пожал плечами.

— Не знаю, мне все равно.

— По-моему, нам по пути. Пойдем вместе?

Мальчик ничего не ответил. Минут пятнадцать мы просто шли молча мимо старых дворов по пустынным улицам. Мы завернули в какой-то закуток, и перед нами выросла пятиэтажка, в окнах которой блестело заходящее солнце. Мальчик вздрогнул и на секунду остановился.

— Что-то случилось?

Мальчик кивнул головой:

— Это мой дом.

— Ты здесь живешь?

— Жил раньше.

— Вы переехали?

— Нет.

— Ты что, живешь без родителей?

Мальчик посмотрел на меня:

— По-моему, вы шли домой? Так идите.

Опять меня резанул его странный голос. «Действительно, — подумал я, — кто я такой, чтобы цепляться к нему и заглядывать в душу. Мы ведь даже не знакомы».

— Послушай, извини, если я тебе надоел, просто мне кажется, что тебе одиноко. Мне тоже. Не хочешь поговорить? Давай, я куплю тебе колу.

Мальчик поднял на меня серые глаза:

— Меня зовут Миша. Я сам могу купить себе колу.

И он опять достал из кармана новую сто-рублевку.

— Кирилл.

Я пожал его руку.

Мы сидели на заброшенном спортивном стадионе за домом, на трибуне, на самом верху. Совсем рядом, так близко, что казалось: протяни руку — и ты их коснешься, висели звезды. Они обманчиво подмигивали с недостижимой высоты. Я посмотрел на небо.

— Миша, смотри, как ярко горят звезды.

— Я никогда не смотрю на небо.

— Почему? По-моему, красиво. А еще говорят, что если увидеть падающую звезду и загадать желание, то оно непременно сбудется.

Он ничего не ответил.

Прошло часа два или больше, не знаю. Я пил пиво, Миша — колу. Он рассказывал мне про свою жизнь.

— Значит, твои родители умерли? — спрашивал я.

— Не знаю, наверное.

— Ты давно их не видел?

— С тех пор, как ушел из дома.

— И давно это было?

Он промолчал.

— Почему ты ушел?

Миша горько усмехнулся:

— Я оказался ей в тягость. Она все ждала, чтобы я повзрослел. А я не мог повзрослеть.

— Она — это мать? А отец?

— Он бросил нас! Я ненавижу его! Старый алкаш! Он бил меня, бил мать! Скажи, неужели все взрослые такие?

— Какие — такие?

— Они жестоки. Они лживы и лицемерны. Они говорят одно, а делают другое. Они учат нас, что обманывать и воровать — плохо, когда весь мир держится на воровстве и на лжи. В мире взрослых правят сила и деньги.

Я вздохнул:

— Да нет, наверное, не все мы такие. Взрослые — это просто выросшие дети. Когда-нибудь, когда вырастешь, ты поймешь это. У тебя появятся свои дети...

— Нет, — закричал мальчик, — этого не будет! Никогда!

Он вскочил и бросился в темноту.

— Стой, стой. Куда ты?

Я побежал за ним.

Только быстрый топот детских ног был мне ответом.

Я так и не догнал Мишу в тот вечер. Он свернул в какую-то подворотню и исчез. Больше я никогда его не видел.

Прошел месяц или чуть больше. Я снова оказался на той же улице, на которой несколько недель назад сидел с мальчиком в кафе-бистро, переживая ливень. Кафе это было открыто. Я зашел и сел за стойку. Мне показалось, что курносый бармен узнал меня. Он кивнул мне и вытащил бутылку. Я кивнул ему. Мы молча выпили. Потом я спросил:

— А помнишь того мальчишку...

— Кудрявого, с серыми глазами?

— Да. Он сюда часто заходит?

— Раньше все время заходил. Но с того раза, как прошел ливень, он больше не появлялся. А что, ты тоже заметил?

— Заметил что?

— Он странный какой-то. Я уже пять лет здесь работаю. И он постоянно сюда заходит, каждую неделю. Уже пять лет. А тот, который здесь раньше работал, говорил, что тоже видел его частенько.

— Не может этого быть. Ему же не больше двенадцати лет!

— То-то и оно. И знаешь, что самое странное? Что за это время он так и не изменился!

Потом он словно что-то вспомнил. Он нырнул под стойку и вытащил оттуда обрывок какой-то газеты.

— Смотри.

Я посмотрел. На пожелтевшей от времени бумаге можно было прочесть объявление: «Пропал мальчик Михаил Светлов, 19... (далее было размыто) года рождения. Всех, кто-либо знающих о его местонахождении, просьба звонить по телефону...» Газета датировалась августом 1921 года. С фотографии на меня смотрел мальчик с кудрявыми волосами. И если бы не такая пропашь во времени, я мог бы поклясться, что это был тот самый Миша.

На трибуне школьного стадиона сидел двенадцатилетний мальчик. Он только что убежал из дома, где скандалили родители: мать и вернувшийся за полночь пьяный отец. Над головой его, так близко, что кажется: протяни руку — и ты их коснешься, сверкали звезды. Одна звезда, самая яркая, сорвалась и упала, прочертив дугу на ночном небе.

«Загадать желание. Надо загадать желание...», — подумал мальчик.

— Хочу, — прошептал он, — хочу, чтобы я всегда оставался таким, как сейчас. Я не хочу вырасти и стать похожим на отца!

Он на секунду задумался, а потом добавил: — И еще, чтобы в кармане у меня всегда было сто рублей!

Он посидел еще немного и побежал домой. Стоял август 1916 года.

